

Антон Эмануил Тимко

Волк-мудрец

I

В этих красивых вечнозелёных девственных хвойных лесах нашего милого и полного обаяния Погронья, которое простирается в северо-западном направлении от Баньского Брезна к пустошам Чертовицы, обосновался и проживал некий могучий волчок в самом замечательном возрасте своего существования. В повести этого волка мы будем называть «волком-мудрецом», или размышляющим, поскольку этого имени он действительно заслуживает. Был он бестией, и на его счету лукавства и проказ было больше, чем шерсти в его шубе.

За один час, как рассказывают у нас в Словакии, наш голодный волчок мог побывать в девяти местах, а его желудок и утроба были лучшими свидетелями того, что он уже много дней ничего не поймал.

Голод мучал его страшно, и тяжёлые мысли о сохранении жизни кружили в его голове.

Остановившись однажды ночью на самой вершине горы Чертовицы, — изголодавшийся, окоченевший, — он начал всерьёз размышлять о своей будущей судьбе.

Возвёл он взгляд свой к небесам... к той выси, к той усеянной звёздами Вселенной, и слёзы катились по его щекам.

Непосвящённый сказал бы, что наш волчок, жалуясь, выл на луну, но это было не так; он сетовал и жаловался Господу Богу, своему Создателю!..

«Господь мой всемогущий, — вздыхал он. — Если б я мог пожаловаться тебе, у меня отлегло бы от сердца! О! Взгляни на умирающее творение своё!»

Такие и им подобные иеремиады* распевал наш волчок, да так горько и страстно, что милостивый Бог услышал голос его.

«Чего же ты просишь, волчок, чего? Почему так горько плачешь и причитаешь?» — произнёс глас Божий из облаков.

«Существование моё, — промолвил с плачем волчок, — висит на волоске! Помоги, Господи, иначе погибну! Мир настолько зол и непочти-

*Иеремиада — горькая жалоба, сетование, — *Прим. пер.*

телен, что бедному творению Твоему никакой добычи и пищи давать не желает. Ты хорошо знаешь о порядках овцеводческих! Если я в этой обетованной и от отцов унаследованной земле хочу утащить самую ничемную овечку или барашка, я жизнью рискую, жестоко преследуемый не только лесниками и охотниками, но также псами и чабанами. Часто ухожу с пустым животом. Господи! Поверь мне, я так голоден, что и камень проглотил бы. Загляни во внутренности мои и смилуйся надо мной! Сегодня пищей моей был — стыжусь сказать тебе, — только конский навоз, который я нашёл на дороге. Господи! Я больше не хочу быть волком, волку плохо живётся на свете! Каждый видит, как хорошо живётся крестьянину, возьми и преврати меня в человека. Я вижу и знаю, как хорошо людям на земле живётся: едят белый хлеб, угощаются вкусной печёнкой и при этом пьют пиво, вино и паленку*. Прошу тебя об этом, пожалуйста!»

«А знаешь ли ты, волчок, как тяжело зарабатывает хлеб свой человек? — спрашивал глас Божий волка.

«Когда крестьянин землю вспашет, он может есть хлеб!» — ответил волк.

«Ах, это не так, он должен зерно посеять!»

«Но потом уже может есть хлеб?»

«Вот уж нет; затем зерно должно созреть!»

«Но потом уже можно наестся хлеба?»

«Ещё нет; потом он должен сжать хлеба, увязать в снопы и завезти в овин».

«Но после этого у него хлеба вдоволь?»

«Не так; потом он должен зерно из снопов вымолотить, провеять, просеять и на мельницу для помола отвезти».

«Но потом он уже может есть хлеб?»

«Как бы не так; потом хозяйка должна поставить закваску, тесто замесить и в печь его посадить».

«Но потом уже может...»

«Только после того, как хлеб испечётся и остынет, крестьянин может есть хлеб!» — закончил Господь Бог.

«Это и вправду долгая и трудная работа!» — заметил волк.

«Вот видишь, волчок, как изнурительно и кропотливо должен крестьянин зарабатывать хлеб свой насущный; а ты можешь до пищи добраться более лёгким способом, ты можешь и самого человека без больших затруднений съесть! Оставайся, волчок, тем, кто ты есть, и об участи своей не беспокойся!»

После этого наставления волк весело подпрыгнул от той благой мысли, что «он без больших затруднений может съесть человека!»

Он тотчас отправился дальше в горы, приближаясь к человеческому жилью, которого до сих пор избегал.

Ничто не способно кого-либо так воодушевить, как сознание того, что он в состоянии, имеет силу и власть сотворить что-либо героиче-

*Паленка — водка, — Прим. пер.

ческое, в каком состоянии в данный момент пребывал и наш волчок-философ.

Наш странник остановился только в Парихвосте — это узкая тропа, по которой в праздничные дни селяне ходят в костёл. Тут он нашёл удобное для засады место, — густые заросли боярышника, — и, усевшись в них, подстерегал проходивших мимо людей.

Сознание того, что он может съесть человека, придавало ему смелости.

Как раз по тропинке шёл мальчик, нёс в лес отцу еду.

Волк выскочил перед ним и крикнул: «Хоп! Стой! Ты кто?»

«Я маленький мальчик», — ответил малец.

«Можешь идти дальше, я тебя не съем, ты не человек!» — ответил волк и снова спокойно уселся в своём укрытии в кружине*. Мальчик тоже не рассердился на то, что волк не признал его за человека.

Следом той же дорогой с корзинкой яиц идёт на пасеку девочка.

Волк, выскочив, накинулся на девочку:

«Хоп! Стой! Ты кто?»

«Я бедная девочка!» — замерев от страха отвечала девочка.

«Ступай своей дорогой! Тебя не съем, ты не человек!» — сказал волк и скрылся в кружине.

Вскоре идёт той же дорогой мужчина.

Волк выскочил, спрашивает его: — «Хоп! Стой! Ты кто?»

«На веки амен! Я корчмарь из М...» — ответил перепуганный корчмарь.

«Ну, тогда иди дальше! Я вас не съем, вы не человек!»

«Но я и не зверь», — посетовал корчмарь, уходя своей дорогой. Волк спрятался.

Спустя немного времени идёт по тропинке женщина с мешком за спиной.

Волк её остановил: «Хоп! Стой! Ты кто?»

«Я художница из Ярабей!» — ответила окаменевшая женщина и святым крестом перекрестилась.

«Ступай к чёрту! Раз ты не человек, ты мне не нужна!»

Снова заняв свою позицию, волчок начал размышлять, по какой такой — скажем, — причине здесь не идёт ни один человек, которого по слову божьему он мог бы легко съесть?

Наконец появился на тропе бойкий угольщик Квачка со своим узловатым осеканцем**.

Волчок набросился на угольщика: «Хоп! Стой! Ты кто?»

«Я добрый человек!» — ответил угольщик.

«Так тебя-то мне и надо! — радуется волк. — Если ты человек, я намерен тебя съесть!»

* Кружина — густая поросль молодых кустов и деревьев. — Прим. пер.

** «На веки амен» — ответ на католическое приветствие: «Слава Иисусу Христу!» — Прим. пер.

*** Осеканец — палка из молодого дерева или ветки, с которой срезали сучки. — Прим. пер.

Бедный угольщик, видя что жизнь его в опасности, принялся просить волка о милости, однако всё без проку, волк слышать ничего не хотел.

Видя это, угольщик волку говорит: «Прошу тебя, не ешь меня таким грязным и чёрным, дай мне в ручье умыться, чтобы тебе вкуснее было».

После многих уговоров волк ему это дозволил.

Угольщик вымыл в ручье лицо и руки и снова говорит волку: «А теперь дай мне утереться твоим пушистым мягким хвостом». Волк разрешил.

Схватив волка за хвост, угольщик накрутил его на руку и своим окоченным осеканцем принялся так немилосердно бить и молотить его, что шум далеко окрест слышно было.

Не задолось у волка пиршество на человечине.

В этой стычке отпало у него всякое желание отведать человеческой печёнки, вырываясь, оставил он угольщику часть своего хвоста и радовался, что смог уйти с целыми членами.

С той поры волк к «человеку» имел почтение.

II

Голодом гонимый, бежал наш волчок куда глаза глядят, не останавливаясь вплоть до Горы Трёх Долин, а тут снова у тропы в засаду сел.

По этой горе в поисках ежат и птенцов бродил известный среди быстрианских лесников знаменитый своими достоинствами пёс Выдур. Заметил волк этого большого, чёрного словно вороново крыло пса, подскочил к нему и спрашивает:

«Хоп! Стой! Ты кто такой!»

Доблестный пёс Выдур, не утратив ни присутствия духа, ни смелости, которые противопоставлял иглам обороняющегося ежа, смело отвечал бандиту:

«К вашим услугам, пан Волковский! Я обувщик, сапожник, умею шить различные барские и крестьянские сапоги, шляпы для металлургов».

Волк приостановился и немного подумал над этим ответом. Забыв о голоде, который его и сейчас немилосердно мучал, сказал он псу:

«Раз уж вы такой ловкий мастер, сшейте мне сафьяновые сапоги, я вам за них хорошо заплачу».

«Почему бы и нет, — отвечает мастер, — только есть одно обстоятельство, я беден и не имею денег на кожу и подметки», — говорит пёс.

«Какой же кожи и сколько потребуется, пан мастер?»

«На сапоги для вас потребуется два телёнка и два барашка на подкладку. Через восемь дней получите готовые сапоги. Сейчас пойдём со мной, покажу вам, где я живу и куда вы должны принести нужный мне материал!»

Пошли вместе.

По уговору отправился волк на рынок покупать кожи.

Быстренские телята и барашки обыкновенно паслись в Штепанке. Там за небольшие деньги купил волчок двух телят и двух барашков, которых их владелец вечером тщетно искал по лесу, не осталось от них ни слуху, ни духу. Этот материал волчок принёс пану мастеру в назначенное место.

У нашего мастера «под шапкой не солома была», и не был он «пыльным мешком по голове бит», пребывал он в здравом уме, которого вполне хватало не только на поиски заячьих и косульих следов, но и на многое другое. От двух телят и двух барашков заимел наш мастер мяса в изобилии, спрятав его в гряде камней в отдалённом, заросшем тёрном углу сада лесничего, где он от души угощался и, одновременно, размышлял о способе изготовления волчьих сапог.

На восьмой день пришёл волк за сапогами.

«Пан мастер, готовы ли мои сапоги, тут, видите ли, зима, я очень мёрзну!»

«Право, милый приятель, ещё нет! — отвечает мастер. — На пару сапог мне этих кож мало, поэтому принесите ещё целого телёнка и барашка, этого хватит».

Волк согласился, поскольку очень страстно желал и буквально обмирал заполучить красивые сафьяновые сапоги. Мигом туда, мигом сюда, и всё необходимое уже тут. Мастер сапожник ему сказал: «Через два дня сапоги будут у вас на ногах».

В назначенный день волк снова явился.

Мастер принял волка учтиво, сказав: «Ваши сапоги уже готовы, но ещё сушатся на колодке. Пока они высохнут, мы можем по саду погулять».

Пёс обнял волка, и они пошли. Оба гордо вышагивали по саду. Пёс водил волка там и сям, вдоль и поперёк, пока, наконец, не подвёл его к тому месту, где из-под хлева вытекала навозная жижа. Когда подошли к самому краю, пёс волка в эту лужу подтолкнул. Волк всеми четырьмя лапами ступил в грязь, и в это мгновение на всех четырёх лапах засверкали великолепные сапоги.

Волк едва с ног не свалился от удивления, что сумел так быстро эти сапоги надеть.

Осмотревшись, он остался вполне доволен.

С глубокой благодарностью ушёл волк от мастера.

«Смотри! Смотри, кум! — говорил ему пёс, — как идут вам эти сапоги, словно их по ноге отлили!» — и хохотал пёс, карабкаясь за уходящим Кантом.

Следуя своей дорогой, вышел волчок, гордо подпрыгивая, к шоссе, по которому как раз мчался какой-то господский экипаж. За экипажем бежал тучный жеребёнок. Нашему волку в новых сапогах неодолимо захотелось этой молодой замечательной печёнки, поскольку она была в самом «luxsus»*, который играть начал, — забыл он удовлет-

*Luxsus (лат.) — сок. — Прим. пер.

ворить требование своего чрева, которое именно сейчас посылало его желудку неприятные сообщения. Прыгнул он раз, — два, — и схватил бы несчастного жеребёнка, если бы кучер не заметил волка и бичом по морде несколько раз не вытянул. Тут и господин выпрыгнул из экипажа и принялся гонять милого волка. Волчок не посчитал это шуткой — выбрал кратчайший путь, напрямиком через ручей... с мастерским «сальто мортале» волчок конечно спасся, но... постойте!.. те дорогие сапоги были... — и остались в воде!..

Страшно разозлённым вернулся волк к мастеру обувщику. «Шалопай вы разэдакий, почему из такой дорогой кожи вы изготовили такие негодные сапоги? Знаете что, мастер? Завтра мы отправимся с вами на дуэль. Я покажу вам в лесу место, где мы будем стреляться. Кто не явится, тот слабак. Позовите с собой двух свидетелей, секундантов, я тоже двоих. Завтра рано утром явитесь туда, а иначе — убью вас как собаку!»

Наш мастер обувщик — и сам тому не рад, — позвал свидетелями своего поединка домашнюю кошку и петуха, а волк позвал медведя и кабана.

III

На следующий день рано утром волк вместе со своими секундантами — медведем и кабаном, — находился на прекрасной лесной поляне, нетерпеливо ожидая противника. Те долго не приходили. Тут волк и говорит медведю:

«Дядюшка, вы умеете отлично лазать и карабкаться по деревьям, заберитесь, но быстро, на одну из этих елей и посмотрите, идут ли наши противники?»

Медведь, послушавшись, так и сделал.

«Кого-нибудь видите?»

«Ой, вижу, вижу, — кричит мишка с дерева, — но то, что я вижу, это нечто страшное. Твой противник обувщик ведёт за собой целый полк войска. У одного из них пика длинная, как дышло от телеги, а другой несёт так много сабель, что они издали сверкают. У нас уж точно не будет преимущества».

Впрочем, волк ещё не утратил присутствия духа, он сказал: «И всё же я буду биться с этим проказником обувщиком, будь что будет, любой ценой. Вы, мишка, оставайтесь там, на дереве, а когда мне плохо будет, прыгайте вниз и приходите мне на помощь. А вы, тётюшка, тут останьтесь, закопайтесь в сухие листья и, когда я уже не буду справляться, вы ко мне поспешите со своими клыками! Да, да!»

Как договорились, так и сделали.

В это время подошли и противники: мастер обувщик с петухом и кошкой.

Волк молча встал в восьми шагах напротив своего соперника, и оба начали показывать оружие, которым им предстояло сражаться — острые клыки.

Раздался сигнал к началу поединка.

Один... врррр! Второй... брррр!

Петух с кошкой на это молча смотрели.

Вдруг прилетел овод, уселся кабанихе на хвост, высунувшийся из листьев, и укусил его. Кабаниха махнула хвостом так, что листья зашуршали.

Кошка это заметила и, полагая, что это мышь, прыгнула, ухватив кабаниху за хвост.

Свинка взвизгнула, выскочила из укрытия и налегла на ноги...

Петуха мгновенное появление кабанихи так сильно испугало, что он взлетел на дерево, на котором, съёжившись, сидел мишка медведь.

Медведь тоже так испугался петуха, что потерял равновесие и на землю упал, переломав все конечности.

Поднялся большой переполох.

Волк, видя что происходит с его помощниками, тоже долго не колебался, подхватил ноги в руки, подумал, что лучше изобразить «Fugias Mathias»* и, «сломя голову» покинул поле боя. Он так торопился, что не оглянулся и остановился далеко-далеко, где-то возле Заклук на Гандлах.

Сколько ни обзывал обувщик волка трусом, это не помогло. Не имея противника для поединка, мастер обувщик со своими спутниками спокойно вернулись домой.

А волчок? Тот с этого времени больше не хотел ни человеком быть, ни белый хлеб кушать, ни сафьяновые сапоги носить.

IV

Однажды ночью из Бологи на Гандлах три изрядно потрудившихся и подвыпивших музыканта возвращались с танцев домой, в Яношовку. Первая скрипка Дуро Шаблантура шагал впереди, шатаясь из стороны в сторону, за ним брёл Яно Пачеса, вторая скрипка, а последним подметал за ними дорогу Мартин Медведь, контрабасист. Пришлось им идти через лес, в котором старший лесничий из Крама велел выкопать несколько ям для ловли волков. Наши музыканты, покуривая, подрёмывая и пошатываясь шли неспешно всё дальше и дальше, пока двое передних, оглянувшись, не обнаружили, что контрабасист отсутствует. Долго кликали его, но товарищ не отзывался — приятеля нет как нет. «Оставим его, братец, — говорит один из музыкантов, — к утру домой зайвится вместе с контрабасом!» И милые музыканты двинулись дальше.

Куда же запропастился со света контрабасист Мартин Медведь?

Куда, говорите? Шатаясь по тропинке из стороны в сторону, угодил он в какую-то колдобину, — тут его немного качнуло, — и милый контрабасист упал в волчью яму.

*Fugias Mathias (лат.) — убегающий Матиас. — Прим. пер.

Оказавшись на дне волчьей ямы, Мартинко разом протрезвел и пришёл в ужас от того, что оказался в компании с волком.

«Ба, привет, приятель! Я — волк, а ты — Медведь! — сказал наш волк-философ упавшему в яму музыканту. — Ничего не бойся, вдвоём нам тут будет веселее переночевать. От скуки, Мартинко, сграл бы мне что-нибудь бодрое. Но предупреждаю, что денег у меня нет, так что потом уже...»

Барышник в ужас пришёл, когда осознал, какой замечательный у него будет ночлег.

«Играй скорее!» — прикрикнул волк на музыканта и оскалил зубы.

Контрабасист, видя, что волк не шутит, принялся туда-сюда водить смычком по струнам, так что пол-леса вздрогнуло.

Пока бедный музыкант волку играл, наш волчок сидел тихо, но стоило перестать, вновь скалил зубы и угрожал, что на куски его порвёт.

Не оставалось нашему Мартину ничего другого, как непрерывно играть и играть, так что руки заболели. От непрерывной игры у контрабаса вдруг начали рваться струны, — куда уж дальше, одна-единственная из них осталась, а волк всё не насытится музыкой.

Бедный контрабасист до утра претерпел тысячу мук, в такой бурсе* он ещё никогда не играл.

Когда на следующий день утром контрабасист Мартин Медведь домой не пришёл, приятели отправились его искать.

«Надеюсь, всё же он не покинул этот мир», — говорили они, высматривая его по всему лесу.

После долгих скитаний там и сям вдруг слышали они какой-то звук, словно кто-то под землёй играл на контрабасе. Пошли на этот звук и, наконец, пришли к волчьей яме, в которой их приятель продолжал играть — во все тяжкие!

«Ай да Мартин, — кричали они сверху, — какого чёрта ты тут устраиваешь. Ну! Сумасброднее морды пожалуй и не сыскать!»

«Спасите меня, приятели, — просил он снизу, — Этот разбойник съест меня!»

Приятели вырубili длинную жердь и спустили её в яму. «Ну, приятель, хватайся, вытащим тебя наружу».

Однако едва жердь достигла дна ямы, волк опередил музыканта, схватился за жердь — и вскоре оказался наверху, на свободе. Даже не поблагодарив за освобождение, волк кинулся в лес и скрылся из глаз.

Музыкантам пришлось снова тащить приятеля из ямы.

«Семь громов! — ругался контрабасист наверху. — Ну и где он, этот мой ночлежник? Как поквитаться с ним за игру?» Однако больше он волка не видел.

Это событие мы вспоминаем как подлинное происшествие, из которого со всей очевидностью выясняется, что наш волк-философ был настоящим мудрецом, в противном случае он точно не избежал бы опасности и не проявил бы свой весёлый нрав, который наследуют только возвышенные души.

*Бурса — обрядовая масляничная вечеринка с музыкой и танцами. — Прим. пер.

V

Вскоре после этого мы встречаем нашего храбреца волка возле валашского шалаша* в Заклуках. Продолжим за ним следовать и познакомимся ещё с некоторыми его приключениями.

Наш волчок сидел в зарослях, подкарауливая пасшихся тут ягнят, и рамзышлял при этом:

«Хорошо было бы утащить хотя бы одного ягнёнка». И судьба ему благоволила.

Прямо перед ним прыгал резвый барашек. Постепенно к нему приближаясь, говорит ему волчок: «Стой, барашек, я тебя съем!»

И хотел его тотчас на мелкие кусочки разорвать.

«Ну, ешь меня! — отвечает барашек печально, — Я ведь знаю, что ты всего лишь немилосердный, ненасытный и кровожадный зверь, который только вред приносить умеет. Но, дай тебе Бог! Мною — маленьким, худеньким барашком, — ты точно не насытишься. Если бы волчок захотел меня выслушать, я дал бы тебе совет, как заполучить больше, гораздо больше мяса и жира...»

«Ну и как?»

«Подождал бы ты, волчок, до осени, когда я потучнею и разжирею, тогда будет тебе от меня много жира и по крайней мере — слышишь ли? — по крайней мере 50 фунтов мяса!»

«Согласен, — говорит волк, — но я тебе от души говорю, что осенью приду за тобой, барашек, и пусть тут хоть небо обвалится — я тебя съем!»

Согласился волчок на эту сделку и, по-прежнему голодный, но с доброй надеждой, оставил барашка в покое, дальше пошёл.

Барашек вернулся назад, в своё стадо.

Голодному волку, однако, не давало покоя, что он отпустил такую замечательную печёнку. Отправился он поискать на зуб чегонибудь другого, и вскоре на выпасе нашёл худенького поросёнка.

«Стой, поросёнок! Я тебя съем!» — закричал волк и уже хотел его схватить.

«Ну, ну, ну, — ответил в ужасе поросёнок, — не видали мы такого хищника как ты! За мой счёт ты точно разживёшься, мною, пожалуй, кашу изрядно жиром заправишь. Смотри-ка, у меня только кожа да кости! Но я бы тебе, волчок, дал добрый совет, не желаешь ли послушать? Видишь, какой я худой, вот и подожди до осени, когда я растолстею, стану тучной свиньёй, и тогда будут у тебя и толстое сало, и ветчина, и колбасы, и ятерница** ... Ну, волчок, что ты на это скажешь?»

Волку этот совет понравился и, хотя он нуждался хоть что-нибудь на зуб положить, тем не менее он согласился. Победила мысль о хорошей печёнке осенью.

*Шалаш — огороженное пространство для овец с хижинкой либо шалашом для старшего чабана и пастихов. — Прим. пер.

**Ятерница — колбаса из мяса, печени, крупы и крови. — Прим. пер.

«Ну, хорошо, поросёнок! Я соглашаюсь на этот конетракт с тобой, по осени прискачу за тобой и без всякого сострадания съем! Вот и скажи ещё раз, ты меня хорошо понял?»

Поросёнок захрюкал и ушёл в стадо.

Волк потом долго болтался голодный.

От злости он начал выдирать себе волосы, мол, зачем был таким глупцом и добровольно две печёнки отпустил. Пошёл он дальше, и вот на лугу идёт ему навстречу жеребёнок. Волк мысленно радуется.

«Стой, жеребёнок! Я тебя съем!»

Волк скалил зубы, и жеребёнок видел, что он не шутит.

«Жалко мне тебя и твоей мудрости, — начал жеребёнок волка уговаривать. — Ты такой старый волк, а нападаешь на тощего конька. Здесь, на пастбище, ты мог бы выбрать самого лучшего коня, чтобы им основательно наесться! А с меня тебе — вот уж точно! — мало проку. Я бы тебе, волчок, посоветовал, чтобы ты мне до осени жизнь подарил, чтобы я и подрос, и разжирел. Тебе, пожалуй, достанет разума понять, каким тучным и жирным стану я осенью?»

Волк жмурился, совет жеребёнка казался ему хорошим.

«Ну, чему быть, того не миновать! — говорит волк. — Соглашаюсь я на твоё предложение, но — ей богу! — я клясться не люблю, но знай — пощады от меня не жди!»

«Хорошо, хорошо! — обронил жеребёнок. — Ты, главное, приди, я тебя на этом месте ждать буду». С тем и поскакал к коням.

Кто был удачливее, чем наш волчок, который сумел контрактным способом на осень обеспечить такую добычу! Разве не был он в своём роду мудрейшим?

VI

Прошло лето; пришла осень — страстно ожидаемое волчком время, когда должны исполниться все его желания. Осенью по верхнегронским деревням всюду бывают пиры, почему бы и нашему «волку-мудрецу» не устроить нечто подобное. Разве нечем? Вспомнив о своих контрактах, пошёл он за обещанной добычей. Первым на пастбище заметил своего барашка. Найдя, преградил ему дорогу.

«Стой, баран! Готовься к смерти. Помнишь ли наш уговор?»

«Как же, милый мой покровитель! Ведь я не глупец! Давно тебя жду».

Волк уже предвкушал как вонзит зубы в тучного, жирного барана, при виде которого у него слюньки текли.

«Подожди немного, братец! — добавляет баран, — я бы тебя кое о чём попросил перед смертью!»

«Никаких поблажек! — взревел волк. — Готовься к смерти!»

«Ну да, и всё же позволь мне так умереть, как мне бы хотелось. Мне не хотелось бы покинуть этот мир какой-нибудь страшной, мучительной смертью».

«Нечего раздумывать, — ответил волк. — И всё же выбери себе способ смерти!»

«Ну, значит так, мой милый волчок! Встань-ка вон там, под тот бережок, открой пасть, я сверху разбежусь и целиком в тебя влечу».

«Ну, не беспокойся, как тебе будет угодно», — сказал волк, встал под бережок, широко открыв пасть.

Разогнавшись, баран — вместо того, чтобы вбежать в пасть, — ударил его рогами в лоб так сильно, что волк, ошеломлённый, отлетел далеко в сторону.

Баран этим воспользовался и убежал в стадо — спасся.

Спустя минуту волк очнулся, однако барана ни внутри не ощущал, ни снаружи не видел. Сам себя волк стыдился, что баран его обманул. Огорчало это его, огорчало, но утешало то, что, впрочем, есть ещё у него поросёнок и жеребёнок.

Отправился волк за поросёнком и нашёл его в условленном месте.

«Свинка моя, я тут! — говорит волк. — Прощайся с миром. Я пришёл тебя съесть!»

«Хрю, хрю!» — закричала свинка из грязи, в которой валялась. — Я тебя уже поджидаю. Не забыл обо мне?»

«У меня с тобой контракт!»

«А всё же знаешь что, волчок, я бы тебя перед смертью кое о чём ещё попросила...»

«Не проси, напрасно будешь просить! — вздыбив шерсть, взревел волк. — Тебе я точно не дам себя обмануть».

«О, да я и не собираюсь забегать в тебя целиком, как тот баран! Я тебя о другом прошу».

«Даже пол-слова не желаю слушать».

«И раскаешься, — настаивала свинка. — Каждому осуждённому на смерть позволено перед смертью исполнить одно желание, ты хочешь прослыть безжалостным тираном?»

«Я знаю, ты хочешь какой-нибудь фокус выкинуть!»

«Вовсе нет, милый волчок, просто позволь мне перед смертью ещё одну песенку спеть и немного с тобой потанцевать. Что будет потом, меня не беспокоит, делай со мной что хочешь. А сейчас ты возьмёшь меня за ухо и будем вместе с тобой хоровод водить!»

«По мне пусть так оно и будет, только недолго!» — в конце концов разрешил волк и, схватив зубами ухо свинки, пустился танцевать.

«Квик!» — взвизгнула свинка, на её голос завизжали другие свинки и, щёлкая зубами, сбегались вокруг них. Тут свиньи напустились на волка — искусали его, растрепали ему шубу, так что волку с большим трудом удалось убежать от них несолоно хлебавши. — Свинка была спасена.

Уселся волк на бережку и размышляет: ну как он мог быть таким глупым, чтобы упустить и вторую печонку. Он твёрдо решил, что впредь будет мудрее и осмотрительнее.

Поспешил волчок за жеребёнком, чтобы и эта последняя печёнка не улетела. Натолкнулся на него на выпасе.

«Твой последний час, жеребёнок, пробил! — крикнул волк. — Становись на колени, я пришёл тебя съесть!»

«Хо, хо, хо, не спеши радоваться! — отвечает ему жеребёнок шутливо. — Кто с бука упадёт, тот немного отдохнёт!»

«Ты смеешь мне возражать?»

«О, я не так глуп, ибо хорошо знаю, что одному единственному жеребёнку от волка нет защиты».

«Вижу, — говорит, ощетиливаясь, волчок, — что и ты какой-то обман замышляешь, но тебе уж точно не будет от этого никакой пользы!»

«Вовсе я ничего плохого не задумываю, только прошу тебя, когда будешь есть меня, не начинай с головы, начинай с заду!»

Волк долго колебался с разрешением, но наконец кивнул.

«Ну, тогда начинай с хвоста!» — предложил конёк волку, и этот нелепый всадил свои зубы в конский хвост.

Длинный конский волос застрял у волка между зубов, так что волк долго не мог снова пасть открыть, а жеребёнок в это время взбрыкнул копытами, ошеломил волка и выбил ему передние зубы. Жеребёнок спасся бегством, а волк не скоро в себя пришёл.

Потом он сделал такой вывод:

«Всё же я был большим дураком, соглашаясь на просьбы моей добычи. И что я за это имею? Надо было слушаться советов моего отца, который никогда не хотел, чтобы целый баран ему прямо в брюхо вбежал, который не соглашался со свиньёй танцы устраивать и никогда не начинал есть коня не с головы, а с хвоста, — но жил он на этом свете долго и счастливо».

Волчок глубоко вздохнул и поскакал в ближайший лес.

VII

Ещё однажды захотел наш волк-мудрец испытать земного счастья и забрёл на брезнянский шалаш.

Вскоре встретил он бача* и заговорил с ним: «Послушайте меня, добрый бача! Вы хорошо знаете, что я уже давно из вашего шалаша ни одной овечки не стащил!..»

«Ну а дальше что?»

«Вот я и прошу вас, бача, дайте мне по любви хотя бы пять овечек в год — и увидите, что потом я у вас ни одной не трону».

«На тысячу чабанов — одна овца! Чтобы я тебе полюбовно дал пять овец? Разрази меня гром! Разве чабан овцам хозяин? Разве ты дал мне овец? Убирайся с глаз долой!» — говорит бача, поднимая осеканец.

«Ну, хотя бы четверых дайте!» — продолжает волк, отступая.

Бача головой покачал.

«Хотя бы трёх. Послушайте, бача, три овечки в год...

---

*Бача — старший овчар, чабан. — Прим. пер.

Бача ничего не ответил.

«Тогда сойдёмся на двух. Ведь это суший пустяк!»

«Ни одной тебе не дам!» — взревел бача, опуская на волка осеканец. Хорошо, что не прикончил.

Тут у волка торговля не задалась, но он не утратил надежды. Забежал он на валаштянский шалаш. Тут тоже встретил бача и завёл с ним разговор: «Бача! Вы полагаете, что я такой же алчный и кровожадный, как мои собратья! Ошибаетесь, это не так! Обещайте мне четыре овцы, и я за это буду ваше стадо от других волков охранять!»

Бача рассмеялся.

«О чём ты говоришь, волчок? Чтобы я тебе овец отдавал? Из тебя такой же охранник, как из козла огородник. Откуда ты взялся, такой благочестивый? Разве я не достаточно заплатил хозяевам за тех овец, которых ты съел? Уходи с глаз моих, или получишь этой палкой!»

Волчок, видя, что и тут в надеждах своих он обманулся, пошёл прочь и направился напрямиком на горнолеготский шалаш, и тут вскоре встретил бача, с которым завёл разговор: «Бача, посмотрите на меня! Видите, я лишился зубов, я худой и слабый. Я уже не способен овечку схватить. Скоро я расстанусь с этим светом. Подарите мне одну овечку, а я вам за неё завещаю после смерти мою шубу!»

«Свою шкуру живьём продаёшь, грабитель! — кричал бача, приближаясь к волку. — Подожди, кое в чём я могу тебе подсобить: твою шубу, волчок, я могу и даром получить!»

И тут бача ударил волка острой валашкой* по голове — и убил его!

Такой печальный конец получила полная приключений жизнь волка-философа из брезнянских лесов.

Только после смерти сделался волк со своей шкурой полезным.

Бача Масо Забучина набил шкуру убитого волка кострой и соломой, установил её на четырёх колышках на санки и зимой ходил от дома к дому по деревням Гронского Видека показывать «этого хищника».

За это он получал от хозяев подаяние.

Когда перед Рождеством бача перестал со шкурой по миру ходить, насобирал он подаяний — пятьдесят золотых, десять фунтов овса, несколько бараньих рёбрышек и несколько фунтов гороха. Из платы за отстрел, которую он получил от города Брезна, купил себе табак и паленки, а потом с запекачкой** в зубах на супрядках рассказывал пряхам эту историю о волке.

А.Е.Т.В.

---

*Валашка — вид топорика. — Прим. пер.

**Запекачка — вид курительной трубки. Прим. пер.